

RUSSIAN PROJECT OF THE GREATER MEDITERRANEAN: FROM IMPERIAL TRADITIONS TO A NEW ROUND OF GREAT CONFRONTATION

(a) Gennady V. Kosov, (b) Vladimir D. Nechaev ,
(c) Dmitry B. Tatarkov.

(a) Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. E-mail: kossov1[at]yandex.ru.
ORCID 0000-0002-1422-895X

(b) Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. E-mail: vdnechaev[at]sevsu.ru.
ORCID 0000-0003-0429-4299

(c) Sevastopol State University. Sevastopol, Russia. E-mail: dmtatarkov[at]sevsu.ru.
ORCID 0000-0002-4684-356X

Abstract

In a scientific article, the authors for the first time in domestic and foreign political science formulated the essence of the Russian project of the Greater Mediterranean. The article traces the evolution of ideas about the Greater Mediterranean, the role and place of Russia in it. Analyzing the socio-political and military-geopolitical discourses, the authors come to the conclusion that the implementation of the Black Sea vector in the Moscow strategy consisted of two stages-tasks: the annexation of the lands of the former Kievan Rus and the conquest of Crimea with access to the Black Sea. The Russian state was able to begin to realize the first task of "national policy" only from the first half of the 17th century. At the same time, the authors note that it was impossible to achieve both tasks without a military clash with the Ottoman Empire. In the 19th century, the Russian Empire continues to realize its imperial ambitions, striving to act as a collector of Slavic (Orthodox) peoples and a liberator of the Balkans, which leads not only to four wars with Turkey, but also to tension with European countries. The article proves that the first unconscious desire to lay the foundation for a new Russian imperial project "Great Mediterranean", respectively, without this name itself, but true in terms of territorial linkage and functionality, can be seen in the alliance concluded by Russia in the 18th century with Austria and the so-called «Greek Project» by Catherine II. The emerging Russian project of the Greater Mediterranean was based not only on the military power of the Empire, but also on soft power. The collapse of the colonial system, the emergence of new actors in the Greater Mediterranean, the desire of the Soviet Union to subordinate the countries of North Africa, the Near and Middle East to the logic of a global confrontation with the United States, the building of a security system on the Black Sea and more broadly in the Black Sea-Mediterranean areas in the context of Turkey's entry into NATO led to the formalization of the de facto Soviet project of the Great Mediterranean, which in a more detailed form and in the new geopolitical realities developed the Russian imperial project. The paper substantiates the idea that the formation of a new architecture of the world order is accompanied for Russia by the emergence of not only new challenges and threats, but also additional opportunities. The crisis of the security architecture in the Greater

Mediterranean determines the revitalization of the Russian Federation not only in the military-political and economic spheres, but also its presence in the humanitarian space of the Greater Mediterranean countries.

Keywords

Greater Mediterranean; foreign policy project; Russia in the Mediterranean; Russia in the Greater Mediterranean; large spaces; Ottoman Empire; Russian Empire; British Empire; Austrian Empire; modern Russia

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: ОТ ИМПЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ К НОВОМУ ВИТКУ БОЛЬШОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ

**(а) Косов Геннадий Владимирович, (б) Нечаев Владимир Дмитриевич ,
(с) Татарков Дмитрий Борисович.**

(а) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
E-mail: [kossov1\[at\]yandex.ru](mailto:kossov1@yandex.ru). ORCID 0000-0002-1422-895X

(б) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия.
E-mail: [vdnechaev\[at\]sevsu.ru](mailto:vdnechaev@sevsu.ru). ORCID 0000-0003-0429-4299

(с) Севастопольский государственный университет. Севастополь, Россия .
E-mail: [dmtatarkov\[at\]sevsu.ru](mailto:dmtatarkov@sevsu.ru). ORCID 0000-0002-4684-356X

Аннотация

В научной статье авторы впервые в отечественной и зарубежной политологии сформулировали сущность российского проекта Большого Средиземноморья. Прослеживается эволюция идей о Большом Средиземноморье, роли и месте России в нем. Анализируя общественно-политический и военно-геополитический дискурсы, авторы приходят к заключению о том, что реализация черноморского вектора в московской стратегии состояла из двух этапов-задач: присоединение земель бывшей Киевской Руси и завоевание Крыма с выходом к Черному морю. Реализовывать первую задачу «национальной политики» русское государство смогло начать только с первой половины XVII века. При этом авторы отмечают, что достичь обеих задач невозможно было без военного столкновения с Османской империей.

В XIX веке Российская империя продолжает реализовывать свои имперские амбиции, стремясь выступать собирательницей славянских (православных) народов и освободительницей Балкан, что приводит не только к четырём войнам с Турцией, но и напряжению с европейскими странами. В статье доказывается, что первое неосознанное стремление заложить фундамент новому российскому имперскому проекту «Большое Средиземноморье», соответственно без самого этого названия, но верного по территориальной привязке и функционалу, можно разглядеть в заключённом Россией в XVIII веке союзе с Австрией и, так называемом, «греческом проекте» Екатерины II. Формирующийся российский проект Большого Средиземноморья опирался не только на военную мощь Империи, но и на мягкую силу. Распад колониальной системы, появление новых акторов в Большом Средиземноморье, стремление Советского Союза подчинить логике глобального противостояния с США страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, выстраивание системы безопасности на Черноморском и более широко в Черноморско-Средиземноморском направлениях в условиях вхождения Турции в НАТО привели к оформлению де-факто советского проекта Большое Средиземноморье, который в более развернутом виде и

в новых геополитических реалиях развивал российский имперский проект. В работе обосновывается мысль о том, что формирование новой архитектуры миропорядка сопровождается для России появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. Кризис архитектуры безопасности в Большом Средиземноморье детерминирует активизацию Российской Федерации не только в военно-политической и экономической сферах, но и ее присутствие в гуманитарном пространстве стран Большого Средиземноморья.

Ключевые слова

Большое Средиземноморье; внешнеполитический проект; Россия в Средиземноморье; Россия в Большом Средиземноморье; большие пространства; Османская империя; Российская империя; Британская империя; Австрийская империя; современная Россия

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Авторы в своих предыдущих работах ставили вопрос о сущности такого феномена как Большое Средиземноморье. Ими был сформулирован тезис о том, Большое Средиземноморье может рассматриваться в контексте броделевского взгляда на сущность Средиземноморья и его экстраполяции на Черное море. Кроме этого в своих работах авторы говорили о Большом Средиземноморье как метафоре, не требующей четкого логического определения понятия и объединявшей условно сформулированные, иносказательно, на уровне ощущений представленные образы пространств (Косов & Татарков, 2020; Гукасов & Косов, 2020). И, наконец, авторы говорили о том, что Большое Средиземноморье есть Проект (Нечаев, 2021). Причем проектов Большого Средиземноморья в исторической перспективе было достаточно много (Финикийский, Античный, Римский, ...). В данной статье авторы в первые в мировой науке формулируют суть, содержание и цели российского проекта Большого Средиземноморья и доказывают, что пространство Большого Средиземноморья для Российского государства в том или ином виде всегда выступало в качестве наиболее приоритетного.

МЕТОДОЛОГИЯ

В основу данной работы положена методология больших многомерных пространств В.Л. Дергачева (2002), которая наиболее адекватно описывает логику современных трансформационных процессов мирового пространства и формирования новых регионов, причем новые они зачастую потому, что в основу их закладываются иные принципы районирования. Кроме этого была использована методология пространственного подхода в исследовании международных отношений И.Л. Прохоренко (2015).

Авторы опирались на трактовку геополитического региона В.Н. Рябцева. Концептуализируя это понятие, он подчеркивает, что «геополитический регион не замкнут абсолютно и полностью на географически фиксируемую территорию, а лишь привязан к ней» (Рябцев, 2018, стр. 98). Он в большей степени детерминирован политическими/мирополитическими процессами, пересечением, противостоянием, конфликтом, консенсусом интересов как региональных, так и внерегиональных, в том числе глобальных акторов, причем как с суверенитетом, так и без оно. Это геополитически значимая территория, своего рода «фрагмент и узел стягивания напряжений некоего всемирного

целого» (Рябцев 2018, стр. 88). Геополитический регион, будучи частью глобального пространства, обладает специфической суммой черт, формирующих его уникальность, подчеркивающих его целостность, тем самым обособливая его от других пространств.

ЭВОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОГО – РОССИЙСКО-ИМПЕРСКОГО ПРОЕКТА БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Черное море в истории нашей страны всегда входило в сферу стратегических интересов. Так, А.Н. Куропаткин говорит о том, что выход к Черному морю являлся для России одной из «задач национальной политики» (Куропаткин 1910в, стр. 326). Эту же мысль отстаивал Г.Г. Гиссер в своей «Военной географии России». Он отмечал, что «Черное море при господстве русского флота позволяет высаживать десант на территории Турции, Балкан, Малой Азии», кроме того оно может служить «связью» армии, находящейся на этих территориях, с Империей (Гиссер 1910, стр.80).

Но при всех стратегических преимуществах, по мнению того же Г. Гиссера, именно Черное море открывает российское побережье «для вторжения неприятельского флота» (Гиссер 1910, стр. 80), будь то турецкого, либо иного другого, который воспользовался согласием Турции на проход через проливы Босфор и Дарданеллы.

В.О. Ключевский, говоря о значении Черного (Русского) моря, отмечал, что – это территория контакта с Византией, арабским миром, пространство политического, экономического и социокультурного проникновения миров, это арена торговой и военной конкуренции (Ключевский, 2018). Но в период раздробленности и междоусобных войн «установившаяся еще в VII и VIII столетиях связь русских поселений по Днепру с Черным морем прерывается на долгие годы» (Куропаткин, 1910а, стр. 78). Рост могущества северо-восточных земель, миграция населения с юга на север, возвышение Владимира «отодвинуло задачу по выходу к Черному морю назад, а на первый план выдвигается задача по выходу к морю Каспийскому» (Куропаткин, 1910в, стр. 79). При этом, задача выхода к Черному морю оставалась актуальной для Московского государства, хотя и отягчена труднопреодолимыми препятствиями в лице Польши, Литвы, крымских татар и Османской империи. Более того, перед ним стояли более важные на тот момент задачи: свержение татарского ига, выход к Каспию, борьба с Литвой и Польшей. Это при том, что ряд европейских государств пыталось втянуть Московию в орбиту борьбы с Османской империей, стремясь

разыграть так называемое византийское наследство (Куропаткин 1910а, стр. 91).

Н.В. Чарыков в труде «Посольство в Рим и служба в Москве...» отмечает, что «правители московского государства с половины XV до половины XVII вв., то есть в период наибольшего напряжения борьбы с турками венгров, поляков и немцев... держались вполне определенной по отношению к туркам политики и твердо уклонялись в вооружённой борьбе с турками, несмотря на приглашения правителей европейских государств того времени считать бывшую Византию наследством России» (Цит. по: Куропаткин, 1910а, стр. 78.; Куропаткин, 1910в, стр. 326).

В это время Московия видела в Турции противовес Польше и, как минимум, молчаливого наблюдателя в борьбе с Золотой Ордой и присоединением Астраханского и Казанского ханств. К византийскому наследию Москва в это время относилась «преимущественно с духовной стороны» (Куропаткин 1910в, стр. 326), а не как к «реальному наследованию на Ближнем Востоке от византийских императивов» (Куропаткин, 1910в, стр. 326.).

В то время реализация черноморского вектора в московской стратегии состояла из двух этапов-задач: присоединение земель бывшей Киевской Руси и завоевание Крыма с выходом к Черному морю. Реализовывать первую задачу «национальной политики (по Куропаткина)» русское государство смогло начать только с первой половины XVII века. При этом отметим, что достичь обе задачи было невозможно без военного столкновения с Османской империей.

С середины XVII века ситуация в отношениях России к Турции меняется. Последняя, стремясь де-факто и де-юре закрепиться не только западнее, но и значительно восточнее Днепра, вторглась в Подолию и Малороссию. Это привело к тому, что уже не отдельные группы казаков, а государство со своей мощью стало реализовывать задачу национальной политики по выходу к Черному морю. Вследствие этого уже в XVIII веке Российская империя присоединила Крым и вышла к Черному морю.

В XIX веке Российская империя продолжает реализовывать свои имперские амбиции, стремясь выступить собирательницей славянских (православных) народов и освободительницей Балкан, что приводит не только к четырём войнам с Турцией, но и напряжению с европейскими странами.

Начало этой тенденции можно разглядеть уже в греческом проекте Екатерины II. Как подчеркивает Н.М. Смилянская «южный внешнеполитический курс России в екатерининскую эпоху формировался с

учетом широких задач завоевания Крыма и предотвращения набегов татар на земли южнорусского порубежья, открытия «окна в Европу» через Черное море, свободного судоходства в Азовско-Черноморском бассейне. А плавание в Черном море неизбежно ставило перед российскими правителями и проблему выхода в море Средиземное, политическое, экономическое и культурное освоение средиземноморского пространства» (Смилянская, 2011, стр. 9-10). Успехи России в черноморском (турецком) направлении способствовали росту антироссийских настроений в создании европейского истеблишмента, которые не переросли в военные столкновения только благодаря началу революции во Франции. Так, современные российские историки отмечают, что после ряда побед в Архипелаге Англии, итальянские государства изменили отношение Российской Империи. Возникло опасение, то не далек тот день, когда «россияне будут конкурировать с прочими морскими державами за главенство на морях, и делить заморские богатства с Испанией и Англией в Бенгалии и Патагонии» (Смилянская, 2011, стр. 461).

Первая война XIX века России с Турцией (1806-1812 гг.) имела несколько долговременных внешнеполитических последствий, в том числе, подозрительность европейских держав «к нашим планам на Ближнем Востоке» (Куропаткин, 1910с, стр. 345). В ходе второй войны с Турцией Россия имела все шансы воспользоваться всеми преимуществами Черного моря, о которых говорил Г.Г. Гессер, и снять угрозу проливов, заняв Босфор. Это позволило бы, во-первых, закрыть проход из Средиземного моря в Черное, сняв угрозу на южном стратегическом направлении, во-вторых, со временем стать Черному морю внутренним морем Империи, в-третьих, по мнению Куропаткина, избежать Россией Крымской (Восточной) войны 1853-1856 гг. (Куропаткин, Т. 2, стр. 376). Но «Константинополь и Дарданеллы так подавляли в умах современников значение Босфора (только и нужного России), что о нем забыли» (Куропаткин, 1910в, стр. 376). Кстати, в планах Николая I были идеи занять Черноморским флотом и корпусом войск Дарданеллы с Босфором и расположить там русские гарнизоны. Об этом свидетельствует проект Дибича (Куропаткин, 1910в, стр. 378). В этом же проекте говорилось о том, что и Константинополь должен был находиться в «русских руках».

А.Н. Куропаткин, рассуждая о важности Босфора для безопасности Российской империи, считал необходимым и достаточным условием этой безопасности удержанием за Россией «части Босфора, прилегающей к Чёрному морю», а тот же Дибич писал, что контроль черноморской частью Босфора является лишь необходимым, но недостаточным

условием. Без контроля над Дарданеллами Империя не сможет влиять на Балканы, Ближний Восток и не способна полностью обеспечить безопасность Российской территории с Черного моря. А.Н. Куропаткин, пересказывая работу С. Горяинова «Босфор и Дарданеллы», сделал акцент на том, что «утверждение в Дарданеллах – это покушение России на владение совместно с другими державами Средиземным морем» (Куропаткин, 1910в, стр. 501). Это, по нашему мнению, по сути, является первым интеллектуальным абрисом российского проекта Большого Средиземноморья. Этот контур становится более осязаемым в контексте «властных заявлений русского государя о том, что он не позволит другим державам присвоить себе хоть один вершок турецкой земли» (Куропаткин, 1910в, стр. 387).

Итак, по сути, первое неосознанное стремление заложить фундамент новому российскому имперскому проекту «Большое Средиземноморье», соответственно без самого этого названия, но верного по территориальной привязке и функционалу, можно разглядеть в заключённом Россией в XVIII веке союзе с Австрией и, так называемом, «греческом проекте» Екатерины II. Так, в случае победы Пруссии в союзе с Австрией, Россия перенаправляла свои войска в сторону Турции, стремясь сосредоточить торговлю с Левантом в своих руках. А итогом реализации «греческого проекта» должно было стать «особое самостоятельное государство, династически связанное с Россией» (Куропаткин, 1910в, стр. 501). Примечательно, что 1808 году Александр I говорил Наполеону о Константинополе, как о ключе к своему дому.

Свою лепту в формирующийся абрис Большого Средиземноморья внесли славянофилы, политические взгляды которых подтверждали опасения европейских государств в российском желании «овладеть Константинополем и проливами и создать под ее главенством союз из славянских народностей. Такой союз, угрожая в особенности Австрии, представлялся вполне нежелательным и другим державам, особенно Англии, а затем Германии, Италии и Франции, ибо самым существенным образом мог нарушить, разрушением Турции и захватом Константинополя, экономические интересы этих держав» (Куропаткин, 1910с, стр. 247 - 248).

Формирующийся российский проект Большого Средиземноморья опирался не только на военную мощь Империи, но формировался при помощи мягкой силы. Так, Г. Вебер отмечает, что «агенты и приверженцы русского правительствo всячески старались усиливать привязанность турецких христиан к России, а из того, как выражался русский посланник в Константинополе, можно было заключить, что рус-

ский царь всеми признан за законного защитника греческой религии на Востоке» (Цит. По: Куропаткин, 1910в, стр. 395).

В реальность появления контура русского проекта Большое Средиземноморье заставляло поверить, например, англичан, в мифическое, но тем не менее, очень популярное завещание Петра I, в котором девятым пунктом говорилось о настойчивом продвижении к Константинополю и Индии, военном столкновении с Турцией и Персией, строительстве портов и верфей на Черном море и выход к Персидскому заливу. «Лорд Пальмерстон 25 марта 1854 года в палате депутатов утверждал, что политика России со времен Петра Великого «систематически, неуклонно стремилась к осуществлению его проекта завоевания Турции»» (Куропаткин, 1910, стр. 402).

Однозначно, даже призрак подобного проекта вызвал сопротивление и Англии, и Австрии, и Франции, и других европейских стран. Так, например, Турция рассматривалась Англией как территория сбыта своих мануфактурных товаров и плацдарм для британского влияния на Ближней Восток. Следовательно, российский контроль над проливами, Константинополем и, впоследствии, над территориями Ближнего Востока, явно не вписывался в британское видение мирового устройства и места в нем Российской империи.

Практически внутренне море Османской империи и закономерное нежелание Порты пускать в него Австрию и Россию, затем трансформация статуса моря в «европейское озеро», выстраивание колониальной системы с политико-экономическими интересами Великобритании, Франции, Италии, а с конца XIX века и Германии в регионе Средиземноморья, включающего в себя и Север Африки, и Ближний Восток, британский контроль за Суэцким каналом и Гибралтаром, амбиции дряхлеющей Османской империи и нарождающейся Турции все это вместе взятое блокировало Средиземноморские интересы Российской империи и не допускало ее к участию в Средиземноморском балансе.

СОВЕТСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ

Распад колониальной системы, появление новых акторов в Большом Средиземноморье, стремление Советского Союза подчинить логике глобального противостояния с США страны Северной Африки, Ближнего и Среднего Востока, выстраивание системы безопасности на Черноморском и более широко в Черноморско-Средиземноморском направлении в условиях вхождения Турции в НАТО привели к оформлению де-факто советского проекта Большое Средиземноморье, который, на наш взгляд, в более развернутом виде и в новых геополитиче-

ских и геостратегических реалиях развивал российский имперский проект.

Кроме идеологической составляющей, формированию советского видения проекта Большого Средиземноморья, опять же без введения в общественно-политический и международный дискурс этого термина, способствовало понимание того, что будущие войны не будут континентальными, как Вторая мировая война. В этой связи адмирал флота С.Г. Горшков в своей книге «Морская мощь государства» отмечает, что «ныне флот ударами с моря способен изменить ход вооруженной борьбы даже на континентальных театрах военных действия и влиять на ее исход» (Горшков, 1979, стр. 6). А исходя из того, что адмирал флота И.М. Капитанец, рассуждая о Средиземном море, делает акцент на том, что страны по его побережью в «промышленном производстве капиталистического мира составляют 12 % (среди государств Западной Европы – более 37 %)» (Капитанец, 2001, стр. 21), присутствие советского военного флота в Средиземноморье позволяло бы реализовать «качественно новую задачу» флота – «сокращение военно-экономического потенциала противника прямым воздействием на его жизненно важные центры с моря» (Горшков, 1979, стр. 6).

Кроме экономического потенциала Средиземного моря И.М. Капитанец говорит о крупнейших международных морских коммуникациях, важнейшими из которых являются нефтяные, по «которым из стран Северной Африки, ближнего и Среднего Востока доставляется топливо в государства Европы и США» (Капитанец, 2001, стр. 22) и важнейшей роли Средиземного моря в глобальной стратегии западных стран, выполняющем функцию коммутатора между Индийским и Атлантическим океанами.

Специфика военно-географического положения Средиземного моря, по мнению советских стратегов, делает его уникальным, что не только вводит его в сферу стратегических интересов СССР, но в целях обеспечения национальной безопасности требует более четкого обоснования проекта Большое Средиземноморье и его реализации на практике. Данная уникальность связана с его закрытым характером, значительной пересеченностью, «позволяющей создавать различные рубежи», наличием «важных в оперативно-стратегическом отношении проливов, узкостей и островов», сравнительно небольших размеров «входящих в состав бассейна морей» (Капитанец, 2001, стр. 23).

В основу советского проекта Большое Средиземноморье были положены две идеи: формирование пространства идеологически близких государств социалистического и постколониального блоков в бассейнах Черного и Средиземноморского морей с целью мобилизации

ресурсов и военном доминировании в геополитических опорных точках в глобальном противостоянии с США.

РОССИЙСКИЙ ПРОЕКТ БОЛЬШОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ

После распада Советского Союза и образования современной России дальнейшая проработка и реализация проекта Большое Средиземноморье были свернуты. Стремление таких международных акторов как США и объединенная Европа сформировать приемлемый для каждого мировой порядок привело к тому, что для Средиземноморского региона прорисовываются два типа больших пространств: со стороны США – это Большой Ближний Восток, а со стороны ЕС – Евро-Средиземноморье. Хотя необходимо отметить, что США как глобальный актор мирополитических процессов активно с разной степенью активности формировал и формирует Евро-Атлантическое пространство, которое в системе геополитических координат современной Северной Америки занимает важнейшее место. Еще Н. Спайкмен вывел термин «срединный океан», проведя аналогию между атлантическим океаном и Средиземным морем (в древности), предвосхитив создание НАТО (Спайкмен, 2015). Помимо этого, пусть и провалившаяся, но попытка создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства свидетельствует о том, что для Вашингтона Средиземноморье – это больше, чем просто часть Большого Ближнего Востока (Смилянская, Велижев & Смилянская, 2011).

Но ни первый, ни второй проекты в силу объективных и субъективных причин, таких как финансовый и экономический кризисы, проблемы в ЕС, нестабильность на Ближнем Востоке не были реализованы. Более того, в 2014 году в «целом сложились геополитические предпосылки для прорыва, а затем и планомерного вхождения России в Средиземноморский регион» (Нечаев, 2019, стр. 68). Более того, добавим, не просто вхождение в регион, а «ускоренное восстановление и всестороннее укрепление стратегических позиций Российской Федерации, поддержание мира и стабильности» в Черноморском регионе (Морская доктрина ... 2015) и, как продолжение этой линии, «проведение целенаправленного курса на превращение» Средиземного моря «в зону военно-политической стабильности и добрососедства» (Морская доктрина ... 2015).

Чем обосновывается значимость современного Средиземноморья для России? По мнению Д. Мальшевой, этот регион «остаётся удобным плацдармом, с которого можно оказывать влияние на такие важ-

ные для мировой экономики и политики районы, как Ближний Восток, Северная Африка, Черноморско-Азовский бассейн, а географическое и связанное с этим геополитическое положение стран Средиземноморья делает их важной компонентой всей системы безопасности европейского континента» (Мальшева, 2015).

Кроме этого, как и ранее, Средиземное море является территорией магистральных коммуникаций по линии Восток – Персидский залив – Запад. Эксперты отмечают, что «через Суэцкий канал, соединяющий Средиземное море с Красным, транспортируется около 5 % мировых поставок нефти и 15 % природного газа; на Черноморские, или турецкие, проливы (Босфор и Дарданеллы), являющиеся единственным путем сообщения между Черным и Средиземным морями, приходится 6% мировой торговли нефтью» (Мальшева, 2015).

Кроме этого, Средиземное море представляет интерес и для региональных, и внерегиональных акторов как территория, богатая запасами углеводородов (например, «Тамар», «Левиафан», «Афродита»). Потенциальная проблема стабильности Средиземноморского региона кроется, в том числе, и в расположении нефте-газоносных пластов на спорных территориях.

Регион Большого Средиземноморья в ситуации кризиса современного мирового порядка трансформируется в территорию повышенной конкуренции и конфликтности. Это связано, во-первых, с деятельностью Грузии и Украины, пытающихся после событий 2008 и 2014 годов все более активно встроиться в американскую/НАТОвскую линию сдерживания России; во-вторых, активизацией турецких внешнеполитических и экономических проектов, как в сторону Средиземного, так и Черного морей; в-третьих, возрастание региональной конкуренции как по линиям противостояния арабского и турецкого проектов исламского мира, так и геоэкономической конкуренции традиционных для этого региона акторов, так и принципиально новых для него, такого как Китай (Нечаев, Чихарев, Ирхин & Маковская. 2019).

Помимо этого, угрозы региональной стабильности и безопасности связаны с множеством открытых и замороженных конфликтов на территории Средиземноморья; общей милитаризацией региона; угрозой неконтролируемого появления и распространения оружия массового поражения; демографическими диспропорциями; миграционными волнами; возрастающей активностью политического ислама; восстановлением геополитической целостности пространств Южного и Северного Кавказа, Средней Азии и Средиземноморья. Подчеркнем, что все эти угрозы носят не локальный, а как минимум региональный характер, понимая в данном случае под регионом Большое Средизем-

номорье. И главный интерес Российской Федерации в реализации проекта Большого Средиземноморья как раз и сводится к созданию системы региональной коллективной безопасности.

ВЫВОДЫ

Формирование новой архитектуры миропорядка сопровождается для России появлением не только новых вызовов и угроз, но и дополнительных возможностей. Кризис региональной безопасности в Большом Средиземноморье детерминирует активизацию деятельности Российской Федерации не только в военно-политической и экономической сферах, но и ее присутствие в гуманитарном пространстве стран Большого Средиземноморья.

Более того, вышеприведенный анализ демонстрирует, что для Российского государства пространство Большого Средиземноморья в том или ином виде всегда выступало в качестве одного из наиболее приоритетных. Как следствие, активизация политики современной России на данном стратегическом направлении является не каким-то тактическим ходом, а попыткой реализовать долгосрочную, многовековую стратегию, отвечающую фундаментальным интересам Москвы.

В данном контексте следует отметить, что в современных геостратегических реалиях перед Россией открылись возможности для перехода к активной фазе реализации данной стратегии: с одной стороны, речь идет о повышении за последнее десятилетие геополитического и геоэкономического статуса Москвы, а с другой – о появлении разных по своей природе проблем и противоречий в рамках пространства Большого Средиземноморья (например, речь идет о разногласиях внутри Североатлантического Альянса, нестабильности в рамках ближневосточного измерения Большого Средиземноморья со всем комплексом вытекающих из этого последствий, провале создания Западом таких больших геоэкономических конструкций, как Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, и т.д.).

Список литературы

Гиссер, Г. Г. (1910). *Военная география России: (Прикладная часть): Исслед. Отд. Театров воен. Действий*. Санкт-Петербург: Тип. Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа.

Горшков, С. Г. (1979). *Морская мощь государства*. Москва: Воениздат.

Гукасов, А. В., & Косов, Г. В. (2020). Технологии формирования нового мирового порядка в период «Interregnum»: К вопросу формирования новых элитарных

зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья). *Вопросы элитологии*, 1(4), 82–103. doi: 10.46539/elit.v1i4.38

- Дергачев, В. Л. (2002). *Геоэкономика*. Киев: ВИРА-Р.
- Капитанец, И. М. (2001). *Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки*. Москва: Вагриус.
- Ключевский, В. О. (2018). *Русская история. Полный курс в 4-х частях*. Москва: Юрайт.
- Косов, Г. В., & Татарков, Д. Б. (2020). Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа. *Вопросы элитологии*, 1(1), 111–130. doi: 10.46539/elit.v1i1.7
- Куропаткин, А. Н. (1910а). *Задачи русской армии. Задачи армии, не связанные с русской национальной политикой* (Т. 2). Санкт-Петербург: Склад В.А. Березовского, комиссионера военно-училищных заведений.
- Куропаткин, А. Н. (1910б). *Задачи русской армии. Задачи армии по объединению русского племени и выходу к морям: Каспийскому, Балтийскому и Черному* (Т. 1). Санкт-Петербург: Склад В.А. Березовского, комиссионера военно-училищных заведений.
- Куропаткин, А. Н. (1910с). *Задачи русской армии. Задачи России и русской армии в XX столетии* (Т. 3). Санкт-Петербург: Склад В.А. Березовского, комиссионера военно-училищных заведений.
- Мальшева, Д. (2015). Россия в Средиземноморье: Геополитика и современные интересы. Извлечено от http://blackseafleet-21.com/news/24-01-2016_gossija-v-sredizemnomore-geopolitika-i-sovremennye-interesy
- Морская доктрина Российской Федерации*. (2015). Правительство РФ. Извлечено от <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjftS5yrIZUVTJan77L.pdf>
- Нечаев, В. Д. (Ред.). (2021). *Большое Средиземноморье: Социально-политические и международные процессы. Аналитический доклад*. Севастополь: ООО «РИБЕСТ».
- Нечаев, В. Д., Чихарев, И. А., Ирхин, А. А., & Маковская, Д. В. (2019). Концепция геостратегического атласа Большого Средиземноморья. *Вестник Московского университета. Серия 5: География*, (1), 67–74.
- Прохоренко, И. Л. (2015). *Пространственный подход в исследовании международных отношений*. Москва: ИМЭМО РАН.
- Рябцев, В. Н. (2018). *Геополитическое пространство современного мира в региональном измерении (опыт морфологического анализа)*. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования». Извлечено от <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42428598>
- Смилянская, И. М., Велижев, М. Б., & Смилянская, Е. Б. (2011). Россия в Средиземноморье. В *Архипелагская экспедиция Екатерины Великой* (с. 840). Москва: Индрик.
- Спайкмен, Н. Дж. (2015). Политическая карта Евразии (глава из книги «География мира»). Часть 1. *Вестник Российского государственного гуманитарного универ-*

ситета. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение», (1), 41–50.

References

- Dergachev, V. L. (2002). *Geoeconomics*. Kiev: VIRAR (In Russian).
- Gisser, G. G. (1910). *The Military Geography of Russia: (Applied Part): Investigations. Dept. Of theaters of military*. Deeds. St. Petersburg: Type. Headquarters of the Guards Troops and the St. Petersburg Military District (In Russian).
- Gorshkov, S. G. (1979). *The Sea Power of the State*. Moscow: Voenizdat (In Russian).
- Gukasov, A. V., & Kosov, G. V. (2020). Technologies of the New World Order Formation in the “Interregnum” Period: To the Question of the Formation of New Elitist Zones and Territories of Decay (Case of the Greater Mediterranean. *Voprosy Elitologii*, 1(4), 82–103. doi: 10.46539/elit.v1i4.38 (In Russian).
- Kapitanets, I. M. (2001). *War at sea. Actual problems of the development of naval science*. Moscow: Vagrius (In Russian).
- Kluchevsky, V. O. (2018). *Russian history. Full course in 4 parts*. Moscow: Yurait (In Russian).
- Kosov, G. V., & Tatarkov, D. B. (2020). The Middle Eastern Knot of the Greater Mediterranean in the Context of Elitological Analysis. *Voprosy Elitologii*, 1(1), 111–130. doi: 10.46539/elit.v1i1.7 (In Russian).
- Kuropatkin, A. N. (1910a). *Tasks of the Russian Army. Tasks of Russia and the Russian Army in the Twentieth Century* (Vol. 3). St. Petersburg: Warehouse of V.A. Berezovsky, commissioner of military schools (In Russian).
- Kuropatkin, A. N. (1910b). *Tasks of the Russian Army. Tasks of the Army for the Unification of the Russian Tribe and Access to the Seas: Caspian, Baltic and Black* (Vol. 1). St. Petersburg: Warehouse of V.A. Berezovsky, commissioner of military schools (In Russian).
- Kuropatkin, A. N. (1910c). *Tasks of the Russian army. Tasks of the army unrelated to Russian national policy* (Vol. 2). St. Petersburg: Warehouse of V.A. Berezovsky, commissioner of military schools (In Russian).
- Malysheva, D. (2015). *Russia in the Mediterranean: Geopolitics and Contemporary Interests*. Retrieved from http://blackseafleet-21.com/news/24-01-2016_rossija-v-sredizemnomore-geopolitika-i-sovremennye-interesy (In Russian).
- Maritime Doctrine Russian Federation*. (2015). Government of the Russian Federation. Retrieved from <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twaqjft-S5yrIZUVTJan77L.pdf> (In Russian).
- Nechaev, V. D. (Ed.). (2021). *The Greater Mediterranean: Socio-political and international processes. Analytical report*. Sevastopol: RIBEST Ltd.
- Nechaev, V. D., Chikharev, I. A., Irkhin, A. A., & Makovskaya, D. V. (2019). The concept of geostrategic atlas of the Greater Mediterranean. *Bulletin of Moscow University. Series 5: Geography*, 1, 67–74.
- Prokhorenko, I. L. (2015). *The spatial approach in the study of international relations*. Moscow: IMEMO RAS (In Russian).

- Ryabtsev, V. N. (2018). *Geopolitical space of the modern world in the regional dimension (experience of morphological analysis)*. Rostov-on-Don: Limited Liability Company "Foundation for Science and Education." Retrieved from <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42428598> (In Russian).
- Smilyanskaya, I. M., Velizhev, M. B., & Smilyanskaya, E. B. (2011). Russia in the Mediterranean. In *Archipelagic Expedition of Catherine the Great* (p. 840). Moscow: Indric (In Russian).
- Spykman, N. J. (2015). The political map of Eurasia (Chapter from the Geography of the World). Part 1. Vestnik of the Russian State University for the Humanities. *Series "Political Science. History. International Relations. Foreign Regional Studies. Oriental Studies,"* 1, 41–50 (In Russian).